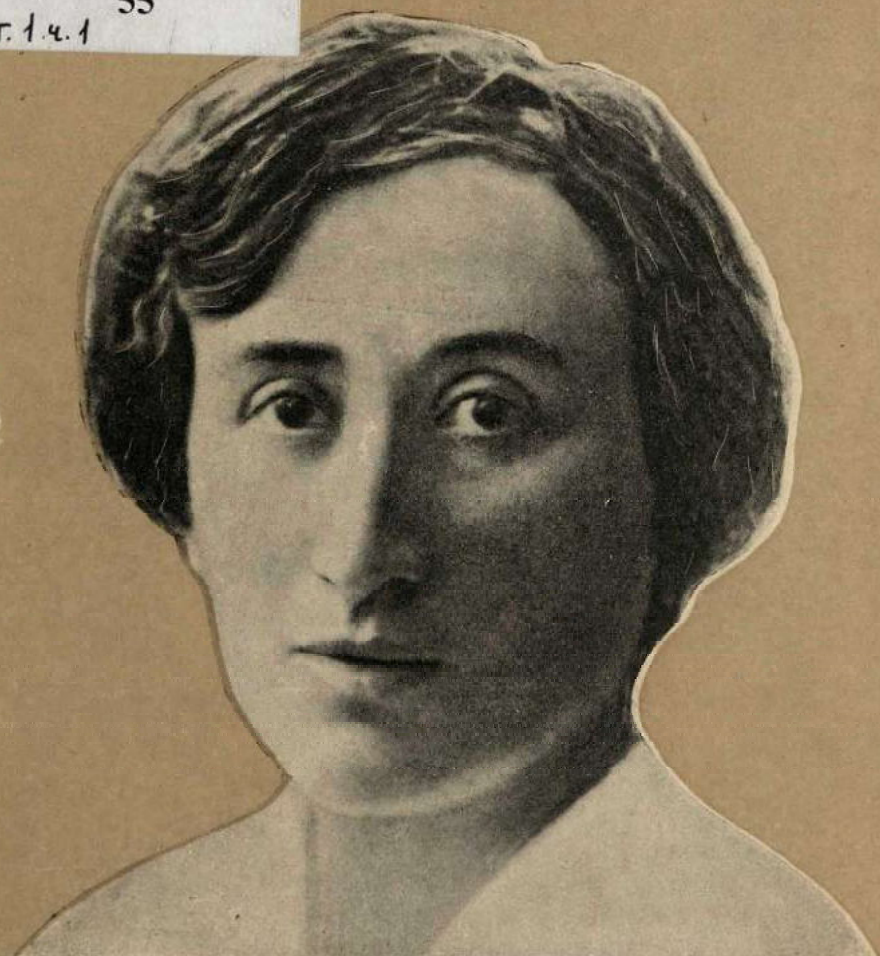

Роза Люксембург

Кл $\frac{71}{55}$
Т. 1. ч. 1

Против
реформизма

ФБ

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Кл $\frac{71}{55}$

$\frac{3}{Л 94}$

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОТИВ РЕФОРМИЗМА

Ч А С Т Ь I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С В В Е Д Е Н И Е М
ПАУЛЯ ФРЕЛИХА

ИЗ КНИГ Ф. М. И Д. Ф.
ГОЛОВЕНЧЕНКО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие к русскому изданию	9
Введение П. Фрелиха	11

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Предисловие	42
-----------------------	----

Часть первая

1. Оппортунистический метод	45
2. Приспособление капитализма	49
3. Введение социализма путем социальных реформ	58
4. Таможенная политика и милитаризм	64
5. Практические выводы и общий характер ревизионизма	69

Часть вторая

1. Экономическое развитие и социализм	77
2. Профсоюзы, кооперация и политическая демократия	84
3. Завоевание политической власти	94
4. Крушение	102
5. Оппортунизм в теории и на практике	105
Поссибилизм и оппортунизм	111
Английские очки	113

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИЗМА И ДЕБАТЫ

Предварительное замечание	124
К партийному съезду в Штутгарте	129
Речи по вопросам тактики на партийном съезде 1898 г. в Штутгарте	133
Милиция и милитаризм	138
После партийного съезда	156
О тактике	168
К предстоящему партийному съезду	172

	Стр.
1. К порядку дня	172
2. Недоразумения	172
3. Противоречия	176
4. Свобода критики и науки	178
5. В чем опасность?	182
6. Где выход	186
Наш руководящий партийный орган	188
Речи на партийном съезде 1899 г. в Ганновере	191
Против Бернштейна	191
О милиции и милитаризме	197
Речи о таможенной политике на партийном съезде в Майнце в 1900 г.	199
Разбитые надежды	202

СОЮЗНИКИ РЕФОРМИЗМА

Предварительное замечание	211
Гнилые орехи	213
Буржуазные конгрессы по вопросам охраны труда и социал- демократия	217
«Немецкая наука» на стороне рабочих	222
В совете ученых	246
Между молотом и наковальной	253

ВВЕДЕНИЕ

Своими статьями против Бернштейна Роза Люксембург впервые выступила на арену внутренней борьбы немецкой социал-демократии и сразу же встала в ряды тех теоретиков, которые на рубеже нового столетия были признанными хранителями заветов Маркса: Меринг и Каутский в Германии, Лафарг и Гед во Франции, Плеханов в России и др. Более того, уже в своем труде «Социальная реформа или революция?» Роза Люксембург обнаружила свое превосходство над прочими эпигонами Маркса. Снова социал-демократия услышала речь, какой ей не приходилось слышать со времени знаменитых боевых статей Маркса и Энгельса. И впечатление это создавалось не только юношески-свежим темпераментом, не только боевым задором. Чувствовался смелый полет мысли, направляемой революционной волей. В монументальности ее стиля нашли выражение и жажда действия и непоколебимая уверенность в победе. Здесь говорил человек, которому недостаточно было раз'яснять положения Маркса и защищать их против нападок. Под ее пером ожила самая сущность революционной науки, которая чувствует пульс жизненного процесса общества, заранее намечает его путь и умеет изобразить его с жизненностью,двигающей людей на действия. Это превосходство давала Розе Люксембург диалектика, выросшая из живого восприятия явлений. Диалектика эта открывала ей доступ к логическим выводам, которые вырастали все выше и быстрее и которым поневоле удивлялся какой-нибудь Шиппель, даже и тогда, когда они приводили к абсурду его собственные построения. Эта диалектика открывала ей также возможность видеть всякое отдельное явление повседневной борьбы в его связи с общим потоком развития и увязать его с конечной революционной целью.

Не теряя никогда из вида весь социальный процесс в целом, она и к Интернационалу подходила с пониманием, почти чуждым ее времени. Для нее Интернационал не был

соединением национальных партий, симпатизирующих одна другой, а органическим единством, члены которого только приспособляются к особым условиям отдельных стран. Ей казалось совершенно естественным, что она, полька, работает в рядах германской социал-демократии, шедшей в то время во главе интернационального пролетариата и предоставлявшей ей широчайшее поле действия. В 1893 г. ее еще могли отстранить от участия в Международном конгрессе в Цюрихе, как неизвестную представительницу безывестной польской организации, но, начиная с 1898 г., она уже принимала участие во всех важнейших дискуссиях Интернационала, и критикой, беспощадно вскрывавшей все ошибки и слабые места и устанавливавшей общие правила революционной тактики, заставляла прислушиваться к своему голосу.

В то время весь Интернационал действительно переживал тяжелый кризис, который всего острее чувствовался в Германии, где и вел к наиболее бурным теоретическим дебатам. Это был кризис реформизма.

Для того, чтобы понять этот кризис, надо уяснить себе характер партии до момента его наступления. Было бы ошибкой рассматривать реформизм просто как возврат к давним-давно преодоленной партией фазе развития. Вернее было бы сказать, что этот реформизм, поскольку он выступал в теоретической форме, представлял собою реакцию после прогресса марксизма в сознании партии, незадолго до появления реформистских идей, а также и под их воздействием. И, наблюдая огромные успехи реформистской практики, начиная с 90-х гг., не следует забывать, что весьма относительная добродетель партии в прошлом была, главным образом, обусловлена отсутствием подходящего случая согрешить. Ведь по существу неправильно, когда Меринг и другие вновь и вновь указывают на хорошие марксистские традиции немецкой социал-демократии и жаждут вернуться к доброму старому времени. Такая мысль могла явиться только при воспоминании об обоих корифеях, а также о Лассале и Швейцере. Революционный классовый инстинкт в немецкой социал-демократии принужден был во все времена бороться с оппортунизмом, и победа доставалась ему тем труднее, чем ближе к мелкой буржуазии стоял сам рабочий класс, чем меньше пищи давал ему революционный опыт и чем ниже оказывался уровень теоретического познания. Марксизм, по знаменитому и полному горечи выражению Маркса, в сознание партии проник не дальше самой поверхности, и надо признать незабываемой заслугой Франца Меринга то, что он сумел распространить в немецкой социал-демократии живое понимание Маркса. По всему своему существу марксизм, возникший в революционное время, мог действительно возродиться только при новой революции.

Немецкая социал-демократия возникла через пятнадцать лет после потерпевшей крушение революции. Шестидесятые годы прошлого столетия были эпохой бурного развития немецкого капитализма. В это время пробуждается классовое сознание немецкого пролетариата. Но он еще связан тысячью корней с мелкой буржуазией. Характерны два явления: великий подвиг Лассаля в отрыве рабочего класса от так называемой буржуазной демократии. Но в эйзенахском направлении нужен еще многолетний процесс, чтобы закончить этот отрыв от демократии. Это одна сторона дела. Другое явление: в обоих направлениях, как в эйзенахском, так и лассалианском, сначала организуются не рабочие крупной промышленности, а сапожники, портные, табачники, печатники и т. д.

Таким образом, ядро обеих партий составляют те рабочие, которые всего теснее связаны с мелкой буржуазией. Хотя в процессе десятилетней борьбы враждующих направлений эйзенахцы и называют себя с гордостью марксистами, но мы тщетно бы стали искать у них самостоятельного выявления марксистского духа. Арсенал этого направления точно так же состоит из агитационных статей Лассаля, к которым прибавлены еще всевозможные банально-демократические идеи, лозунги мелкобуржуазных социалистов 1848 г. и всякая тому подобная мешанина.

Программа объединения обеих партий (Гота 1875 г.) ясно свидетельствует о низком уровне теоретического познания и об отсутствии революционного сознания даже после Парижской Коммуны. Как характерно, что резкая критика проекта программы, данная Марксом и Энгельсом, не оказала никакого влияния! Очевидно, она вообще оставалась непонятой, потому что только при этом условии могли быть сохранены окаменелые формулы Лассаля, расплывчатое понимание государства, и, в особенности, полнейшая неясность в вопросе о цели партии.

С ростом объединенной партии ее ряды пополнились новыми элементами буржуазной интеллигенции. Прудонисты проповедывали свои спасительные учения, эклектизм Дюринга встречал сплошное одобрение, и в 1877 г. Энгельсу удалось лишь с большим трудом отвоевать на столбцах центрального органа Volksstaat место для своего остроумного сокрушительного похода против Дюринга. Zukunft («Будущее»), орган моралиста Гехберга, на страницах которого слезливо проповедывался мирный социализм, признавался наполовину научным органом партии. Марксизм мог лишь с трудом бороться против всех этих влияний. Ко всему этому прибавился еще закон о социалистах, задерживавший на каждом шагу процесс кристаллизации. И все же партия прогрессировала.

Как обстоял вопрос практики? Известно, что первоначально на исключительный закон партия ответила так, что было почти совсем похоже на капитуляцию, и что достойную линию поведения она нашла только под давлением лондонских корифеев и благодаря самопомощи масс. Началась та мелочная борьба с государственной властью, которая явилась для партии хорошей школой и обнаружила бессилие постыдного закона. Плохо было то, что легальным, объединяющим центром, который был необходим партии для агитации, могла служить только фракция рейхстага, которой было передано также и руководство партийной жизнью. Это подвергало партийное руководство всем случайностям общих выборов и гораздо более, чем это было нужно, подчиняло всю политическую жизнь партии парламентарным нуждам фракции. Хотя тяжелые преследования в течение тех двенадцати лет, когда партия считалась вне общего закона, вновь и вновь укрепляли сознание смертельной вражды между партией и буржуазией с ее полицейским государством, тем не менее, оппортунизму удалось свить себе в партии прочное гнездо. Он был тем более опасен, что фракция рейхстага, в своем ослеплении, считала себя непогрешимой и выше всякой критики ¹⁾. В вопросе субсидирования пароходных линий в размере пяти миллионов марок ежегодно большинство фракции (18 гол. против 6) стало на явно реформистскую точку зрения, к которой уже тогда примешивались аргументы, позже приводившиеся в пользу самого крайнего социал-империализма. В эпоху социального бисмаркского законодательства реформистский утопизм порою хватал через край ²⁾. При этом особенно наглядно обнаруживалась полная неясность в вопросе о сущности государства. Правда, при агитации сплошь и рядом говорилось о государстве, как об аппарате управления господствующих классов, но в то же время постоянно приходится убеждаться,

¹⁾ Пример. Когда в 1885 г. франкфуртские товарищи в «Социал-демократе» (Socialdemokrat) раскритиковали несостоятельность фракции в вопросе пароходной субсидии, фракция издала указ, в котором говорилось: «Она (фракция) не оспаривает права редакции и корреспондентов партийного органа на самостоятельную критику, но она полагает, что интересам партии наносится существенный ущерб, когда постановления депутатов обсуждаются в таком тоне, который может уронить фракцию в глазах стоящих в стороне партийных товарищей... Не газете надлежит определять линию поведения партии, а, наоборот, фракция призвана контролировать позицию газеты». Бебель был против этого взгляда.

²⁾ Так, например, в 1888 г. Norddeutsche Volksblatt поместила статью: «Клад Нибелунгов будущего», в которой страхование инвалидов превозносилось как средство обратить государство в крупнейшего кредитора ипотечным обязательством. Какие выводы? «Империя, принудительно сделавшая себя мандатарием немецкого рабочего класса, скупает в частно-правовом порядке земельные имущества на те деньги, которые рабочий класс обязан отдать ему из своего заработка. В чьих

что смысл этих слов не успел глубоко проникнуть в сознание, даже среди партийных вождей.

Подлинный идеализм пускает вновь и вновь пестрые мыльные пузыри; например, Вильгельм Либкнехт, при обсуждении закона о страховании от несчастных случаев, восклицает: «Мы верим, что государство, цели и назначение которого мы ставим чрезвычайно высоко, осуществляет культурную задачу уничтожения противоречия бедности и богатства; и поскольку мы признаем за государством эту миссию, постольку в принципе мы поддерживаем этот закон... Взяв в свои руки страхование от несчастных случаев, государство получает возможность взять в свои руки также и контроль над промышленностью. Это абсолютно необходимо. Если бы князь Бисмарк не имел в виду как раз этих выводов, то весь этот закон был бы не более, чем жалкая комедия, а в этом мы не в праве заподозрить князя Бисмарка». В дебри предвыборной агитации совершенно не стоит углубляться. Из переписки Маркса и Энгельса мы знаем, что оба вождя неизменно старались добиться ясности основных понятий путем непосредственного воздействия на руководящих представителей партии. Но они это делали без особого успеха. Только журналу *Neue Zeit* удалось популяризировать некоторые идеи марксизма и ввести их в обиход верхних слоев партии. Заслуга в этом принадлежит Каутскому. Но это заслуга лишь наполовину, так как и Каутский не понял истинно-революционного духа марксизма.

Таким образом, вплоть до издания закона о социалистах, идеология германской социал-демократии носила весьма расплывчатый характер.

Эрфуртская программа (выработанная на партийном съезде в Эрфурте в 1891 г.) является в той мере, в какой она характерна для II Интернационала, высшим выражением марксистского познания. Она ясно обозначает границы, которые могли быть достигнуты. В первой части описывается процесс развития капиталистического общества. Он оказывается здесь всецело результатом действия слепых социальных сил. Завоевание власти окутано глубочайшим туманом. Поэтому мы тщетно ищем определения сущности как пролетарской диктатуры, так и стратегии и тактики партии. Вторая часть Эрфуртской программы, посвященная практическим вопросам, не находится ни в какой идейной связи с ее «принципиальной

интересах? Может ли быть сомнение? Конечно, в интересах того, кто дает на это деньги, в интересах немецкого народа... Не будем решать вопрос о том, следует ли это назвать «социальной реформой». При этом, несомненно, идет речь о социальном перевороте». Эта статья была, вероятно, написана Фроме, который в то время был во власти националистического дурмана, но при всем том мог считаться одним из наиболее уважаемых вождей.

частью». Выставляются требования, которые никогда не выходят за рамки буржуазного государства. Это служит бесознательным выражением того, что социал-демократия, чем бы она себя ни считала, в действительности являлась оппозиционной партией, или партией реформы.

По поводу одного проекта, составленного Центральным Комитетом партии, Энгельс выразился так: «На первый план выдвигаются общие, абстрактные политические вопросы, которые прикрывают ближайшие, конкретные вопросы,—те вопросы, которые сами собою станут на очередь при первых же крупных событиях, при первом же политическом кризисе. Что же может из всего этого получиться, кроме того, что в решительный момент партия вдруг окажется беспомощна, что по основным вопросам не будет ни ясности, ни уверенности, потому что вопросы эти никогда не подвергались обсуждению?» Этой кардинальной ошибкой страдает также и программа, составленная Каутским; но это была общая болезнь всей партии,—болезнь оппортунизма проникла до мозга костей партии. Против нее к концу восьмидесятых годов возникает оппозиция, движение молодых. Этой оппозицией руководил ряд молодых интеллигентов: Кампфмейер, Ганс Мюллер, Шиппель, Вилле, рядом с ними выступали рабочие: Вильдбергер, Менцель, Багинский, Вернер, Катер, Евгений Эрнст, Шнейдт и др. Стоя на почве социал-демократии, «молодые» восставали прежде всего против переоценивания парламента, против того оппортунизма, который тогда обозначался термином государственного социализма, против того, по их мнению, безмерного централизма, который провоздился фракцией рейхстага, и требовали более резкого подчеркивания революционного характера партии. Это они, «молодые», ожесточеннее всего вели борьбу против тех иллюзий, которые безмерно разрослись в партии после падения Бисмарка и объявления молодым Вильгельмом социальной империи. Это движение отличалось большой неясностью. Прежде чем «молодые» успели формулировать свои идеи, они были разбиты в беспощадной борьбе, объявленной против них вождями партии, и внутри партии движение было искоренено путем исключения из партии. После Эрфуртского партийного съезда «молодые» объединились в «Союз независимых социалистов» (основан 8 ноября 1891 г.). Только в этой новой организации им удалось осознать собственную сущность. На страницах их партийного органа «Социалист» изо дня в день, из года в год велась борьба между марксизмом и анархизмом. Победа осталась за анархистами, духовным вождем которых был Ландауэр. В организации «независимых» мы имеем зародыш немецкого синдикализма. Очень характерно, что интеллигентская часть «молодых» почти поголовно перешла на сторону реформизма или же погрязла в эсте-

тической кружковщине, между тем как пролетарские элементы перешли на сторону синдикализма. Партийный съезд в Мюнхене в 1902 г. признал, что борьба против «молодых» велась слишком сурово. Съезд вновь принял в партию Вильдбергера.

В настоящее время, конечно, легко оправдать исключение «молодых» из партии указанием на дальнейшие этапы их развития. Но движение отнюдь не должно было непременно пойти в этом направлении. Однако, вполне понятно, что борьба против «молодых» лишила партию силы вести борьбу, которая становилась все более неотложной, борьбу против реформизма. «Молодым» придавал силы для нападения как раз тот факт, что с разгаром их движения сорвалась первая попытка ориентировать партию на сознательно оппортунистическую тактику. Эта попытка исходила от Георга Фольмара.

Фольмар, бывший баварский офицер, во время действия исключительного закона причислял себя к непримиримым радикалам. Он постоянно выступал против мягкотелости и трусливости. По вопросам о субсидировании пароходства он, вместе с Бебелем и Бернштейном, выступал против оппортунистического большинства, и, когда Бебель в 1880 г. оговорился в рейхстаге, что социал-демократия приняла бы участие в оборонительной войне, Фольмар дал ему основательный нагоняй на столбцах «Социал-демократа». После отмены исключительного закона Фольмар проделал путь в Дамаск. Когда партия была снова подчинена общему закону гражданского порядка, Фольмар счел нужным поднять вопрос о том, не взяла ли имперская политика такой курс, который принуждает также и социал-демократию к пересмотру принятых ею тактических приемов.

На этот вопрос Фольмар ответил утвердительно в двух своих речах, которые он произнес 1 июня и 6 июля 1891 г. в Мюнхене в помещении «Эльдорадо», и потому стали известны под названием фольмаровских речей «Эльдорадо». С поэтическими перепевами он говорил: «Неподвижное пришло в движение, вначале, естественно, медленное и часто прерываемое, но которое в дальнейшем должно становиться все более оживленным и не знающим преград. Прежнее оцепенение прошло, прежний лед растаял, скованные прежде силы пускают ростки, приходят в движение... Словлено принципиальное сопротивление против всякого рода перемен и реформ. Правительство вступило на путь законодательной защиты рабочих, по которому, несмотря на все противодействия, оно пойдет все дальше и дальше». Правда, при описании фактического положения вещей, Фольмару приходилось прибегать к разным оговоркам: «хотя», «однако», но все же он был преисполнен глубочайшего доверия к доброй воле буржуазного общества. Надо вступить

на путь «соглашения», заняться «реальной политикой». «Доброй воле—открытая ладонь, злой воле—кулак». Правда, главным врагом является господствующее в современном обществе противоречие интересов, но многих хороших людей делает противниками социализма незнание и предубеждение, и их можно привлечь путем разумной тактики. Он ссылаясь на известные слова, которые Вильгельм Либкнехт, привычно отдававшийся во власть своих мыслей, отчеканил на партийном съезде в Галле в 1890 г.—«буржуазное общество врастает в государство будущего»,—слова, которые так злобно высмеял Фридрих Энгельс: «процесс происходит постепенно, последовательно, органично». «В общем, происходит медленное, органическое развитие. Подобно тому, как явления природы развиваются не путем толчков или внезапно следующих одно за другим превращений, так и один общественный порядок сменяет другой, не как замкнутое в себе, ничем не связанное единое целое. Бесчисленные корни сегодняшнего во вчерашнем и завтрашнего в сегодняшнем не допускают появления чего бы то ни было абсолютного; все политические и социальные состояния представляют собою нечто относительное, переходные формы. Наша задача должна заключаться в том, чтобы использовать сегодняшнюю форму для воздействия на форму завтрашнего дня».

«Для социалиста есть два способа действия,—заявлял Фольмар:—тактика абсолютного, признающая себя единственно революционной, возвышающаяся над всеми мелочами плоской действительности, и тактика политического реформирующего воздействия, стремящаяся достигнуть цели единственно возможным способом частичных успехов. Последняя движется зигзагами, но на прочном основании действительности; первая же проводит идеальную линию через воздух, которая, правда, гораздо короче и идеальнее, но зато в такой же степени недоступна».

Это было вполне недвусмысленное признание реформизма. Оно дополнялось тем, что неизменно сопутствует реформизму—национализмом. Фольмар в выпенренных выражениях восхвалял Тройственный союз, который является не чем иным, как гарантией сохранения европейского мира. Он с бешенством обрушивался на социалистов в Италии и во Франции, которые не верили в эту миссию союза Германии, Австрии, Италии, и предупреждал «заграничных шовинистов и политиков реванша, что, в случае нарушения мира, они встретят социал-демократов в рядах обороны».

Тем не менее, и в этих «речах Эльдорадо» заключалась разумная мысль, и доказательство духовной незрелости социал-демократов того времени можно видеть как раз в том, что они, не схватывая существа этой мысли, как раз в ней усматривали оппортунизм Фольмара. Это делалось не совсем

без основания, но и не с полным основанием. Фольмар выдвигал положительную программу действия, заключающую следующие пункты:

1. Дальнейшее развитие защиты рабочих.
2. Завоевание настоящего права союзов.
3. Обеспечение борьбы за заработную плату от вмешательства государства в пользу предпринимателя.
4. Законодательные меры против промышленных трестов, картелей и синдикатов.
5. Отмена пошлин на предметы первой необходимости.

Конечно, пункт 4 обнаруживает мелкобуржуазный утонизм, и его необходимо исключить. Он только характерен для социального происхождения фольмаровского оппортунизма. Вся программа страдала тем, что она не заключала никаких по существу политических требований, никаких требований, которые бы выходили из рамок капиталистического государства. Но самая мысль сосредоточить пропаганду социал-демократии на определенных вопросах, которые в то время должны были особенно волновать рабочий класс, означала несомненный прогресс. Соединение в одной программе повсеместно пропагандированных требований, упорное и неутомимое внедрение их в сознание рабочих повело бы к значительной концентрации сил в классовой борьбе и уже в то время могло вызвать массовые выступления значительного масштаба. Но этот смысл фольмаровской программы не был понят. Это объясняется тем, что она была погружена в тину реформистских настроений. Сам Фольмар ничего не сделал для ее осуществления, хотя он, в качестве «короля верхней Баварии», имел бы к тому полную возможность. И это, в конце концов, служит доказательством того, что его вовсе не занимало повышение интенсивности классовой борьбы, а что он, несмотря на все комплименты по адресу «конечной цели», не искал средств ускорить завоевание власти и хотел противопоставить классовой борьбе—реформу. Фольмар имел до некоторой степени право удивляться нападкам, посыпавшимся на него по поводу первой «речи Эльдорадо», со стороны Либкнехта в «Форвертсе», со стороны «молодых», а затем почти со всех сторон,—и он не совсем был неправ, указывая на то, что, в сущности, он лишь высказал вполне обыденные мысли. Но он первый высказал, заострив и объединив в систему мысли, которые до того высказывались так же легко, как и другие весьма радикальные с виду положения, без того, чтобы кто-либо отдал себе сполна отчет в их значении. Он обострил взор других, и они поняли: это путь в болото! Это была невольная заслуга Фольмара,—он до известной степени углубил революционное сознание.

Годом позже (1892 г.) Фольмар поместил во французском журнале «Revue bleue» статью «О государственном социализме

Бисмарка и Вильгельма II». Под государственным социализмом в то время понималась целая система государственного вмешательства в социальную жизнь: законы в защиту рабочих, страхование рабочих, национализация и т. д. В своей статье Фольмар проводил ту мысль, что «социал-демократия не имеет основания особенно горячо бороться против самой идеи государственного социализма. Ведь, наоборот, мы стремимся к целому ряду таких мер для постепенного установления лучшего социального порядка, которые с полным правом можно назвать государственно-социалистическими». За этим следовала элегическая жалоба на то, что социал-демократию попрежнему ошибочно считают партией, враждебной государству. Этим реформизм окончательно поставил точку над *и*, признав капиталистическое государство, правда, нуждающимся в улучшении, но, тем не менее, богом данным учреждением. На это «Vorwärts» (21 июля 1892 г.) заметил: «Это уже не государственный социализм, а правительственный социализм».

Как отнеслась партия к Фольмару? На партийных съездах в Эрфурте в 1891 г. и в Берлине в 1892 г. происходили горячие прения. Но между тем как «молодых» с позором изгоняли из партии, в отношении к Фольмару ограничились осуждением его взглядов. Но если скорлупа была отброшена, то ядро все же осталось. Реформизм был спасен, так как не резолюциями можно его сжить со света.

Впрочем, на берлинском партийном съезде Фольмар применил ту тактику, которая впоследствии была возведена реформистами на степень искусства. А именно, после того как оппортунистические взгляды Фольмара подверглись уничтожающей критике, он, совместно с Либкнехтом, предложил резолюцию, в которой говорилось, что «... так называемый государственный социализм, поскольку он занимается социальными реформами или улучшением положения рабочего класса, является половинчатой системой, обязанной своим происхождением страху перед социал-демократией. Цель его—путем мелких уступок и всевозможных паллиативных мер оттолкнуть рабочий класс от социал-демократии, и тем самым ее парализовать... Социал-демократия по самому своему существу революционна, а государственный социализм—консервативен. Социал-демократия и государственный социализм—непримиримые противоположности».

Все это лишь «недоразумение». И это «недоразумение» обнаруживается во всех решающих перипетиях дискуссии о реформизме.

В последующие годы партия была поглощена длительными дебатами по аграрному вопросу. Оппортунисты сделали первую дружную попытку установить тактическую линию партии. Инициатива и на этот раз исходила

от Фольмара. Был поднят вопрос о том, каким образом можно заинтересовать крестьянство и привлечь его к партии. Для различных округов были назначены аграрные комиссии, которые должны были разработать аграрную программу. Но результатом совещания явилась страшнейшая неразбериха. Ведь вопрос ставился не так, как он ставится в наши дни Коммунистическим Интернационалом: как можно привлечь крестьян к завоеванию власти пролетариатом? Или как можно их, по крайней мере, нейтрализовать в этой борьбе? Только Шенланк как-то мимоходом высказал эту мысль. Речь шла, собственно говоря, о том, как можно приспособить партийную программу к нуждам крестьянства в капиталистическом государстве,—и притом не только полу-пролетарского крестьянства, но, прежде всего, среднего и крупного крестьянства. Предметом обсуждения было не расширение революционного фронта, а привлечение избирательных голосов, т.-е. ловля крестьян в самом грубом смысле слова. Предложения представляли собой набор оппортунистических фраз, и партийный съезд 1895 г. сдал их в архив истории партии.

1895 г. был реформизма поворотным пунктом. В то время Фридрих Энгельс написал то введение к «Борьбе классов во Франции», которое было постыдно искажено ЦК германской партии и с тех пор является документом, на который считает нужным ссылаться всякий могильщик революционной идеи. Так как Энгельс умер в том же году, то он уже не имел возможности бороться против этого злоупотребления, которое с тех пор вошло в привычку¹⁾.

Смысл «Введения» Энгельса был таков: в настоящее время предпосылки для вооруженного восстания настолько невыгодны, что нечего и думать о возможности успеха. Старая,

¹⁾ Против первого случая злоупотребления он защищался в письме к Каутскому от 1 апреля 1895 года. Там он пишет: «К моему изумлению, я увидел сегодня в Vorwärts извлечение из моего «Введения», напечатанное без моего ведома и подобранное таким образом, что я там выступаю покладистым поклонником законности quand même (во что бы то ни стало). Тем приятнее для меня, что «Введение» в целом появляется теперь в Neue Zeit: оно уничтожит это позорное впечатление. Я вполне определенно выскажу свое мнение по этому поводу и Либкнехту, и всем тем,—кто бы они ни были,—кто дал ему возможность исказить мое мнение (см. Каутский. «Путь к власти»).

После этого «Введение» было напечатано в Neue Zeit в урезанном и перекроенном виде. Энгельс уступил выставленному ЦК партии пугалу исключительных законов. Фальсификация со стороны ЦК партии состояла в том, что он в течение многих лет терпел мешански-реформистское толкование «Введения» и сам его поддерживал, ни разу при этом не признав допущенного им искажения «Введения». Правильный текст «Введения», установленный Рязановым, напечатан на немецком языке в International Presse-Korespondenz 1924, № 141 и в Архиве Маркса и Энгельса, т. I.

чисто оборонительная тактика баррикад (борьба на истощение в самом буквальном смысле) стала пережитком. Будущие восстания могут повести к победе лишь в том случае, если против военной силы будут выступать с бурным натиском значительные массы. Теперь все дело в том, чтобы создать в социал-демократической партии сильный передовой отряд. Острие «Введения» Энгельса было обломано. Таким образом, «политический завет» могикана свелся к мирному учению: не надо больше революции с баррикадами, а только парламентаризм, только законность, при которой рабочий класс нагуливает себе «румяные щеки и крепкие мускулы». «Введение» было использовано для того, чтобы лишить мысль Маркса ее революционной сущности. На это прежде всего опирался Бернштейн, который после смерти Энгельса выдавал себя в Интернационале за исполнителя его заветов.

Эдуард Бернштейн вступил в партию в начале семидесятых годов. Он внес с собою основательный запас мелкобуржуазных воззрений. Он особенно старался о популярности Дюринга и в 1878 году присоединился к этическому реформатору Хёхбергу, который в то время, правда, от чистого сердца, но и от трусости душевной, пытался соблазнить социал-демократию. После издания закона о социалистах Бернштейн взял на себя редактирование «Социал-демократа», который издавался в Цюрихе, а затем в Лондоне. Вначале ему не раз приходилось выслушивать суровую критику обоих лондонских корифеев по поводу вялости и теоретической неопределенности газеты, пока он не попал под непосредственное влияние Фридриха Энгельса. Тогда он стал марксистом и остался таковым почти до самой смерти Энгельса. Но тут его мелкобуржуазная душа вновь освободилась из марксистского кокона.

Толчком ко второму его превращению явилась переработка «Истории французской революции 1848 г.» Луи Эригье. Изучая эту эпоху, он снова нашел свое «я». Он открыл себя вновь в буржуазных республиканцах Парижа и в кротких социальных реформаторах Люксембурга—Луи Блане и др. Он с ужасом заметил, что Маркс видел истинных вождей пролетарской партии в Бланки и в бланкистах, в тех самых бланкистах, которых теперь Бернштейн считал бесовскими клубными подстрекателями, возмущавшими пролетариат против Национального собрания, призванного к жизни всеобщими выборами, пытавшимися завоевать пролетариату политическую власть, террористами, стремившимися к диктатуре, наводившими своими угрозами страх на буржуазию, отнимавшими у биржевых хищников вкус к делу и обращавшими в буржуазных душах в злой яд сладкое молоко демократических помыслов. При этом французский пролетариат имел все, что ему нужно: «Социальная эмансипация

пролетариата была в принципе установлена признанием свободы печати и собраний и дарованием всеобщего избирательного права. Теперь сроки и пределы претворения в действительность того, что было в принципе уже дано, зависели только от умения самого пролетариата целесообразно пользоваться данными ему средствами». Бернштейн сделал историческое открытие, что в июньской бойне повинна была не буржуазия, а клубные подстрекатели, хотя он и признавал, что Временное правительство поступало очень «бес тактно» (буквально так!) по отношению к голодающим рабочим, когда оно собиралось коварным образом задушить революцию. Он даже предчувствовал Густава Носке и уже в 1896 году оправдывал его, описывая июньского палача Кавеньяка, как храброго, несколько слезливого республиканца, который только исполнял свой демократический долг. Вывод из всех этих «открытий» Бернштейна был тот, что всякая попытка завоевания политической власти пролетариатом сама по себе преступна. Этот взгляд Бернштейн проводит в особых главах и в своих примечаниях к книге Эрихтэ, искажая и затемняя мысль автора.

Повидимому, эта издательская работа¹⁾ Бернштейна осталась совершенно незамеченной; по крайней мере, нигде мы не находим ни слова возражения против этого надругательства над парижскими революционерами 1848 г.²⁾

Изучение революции 1848 г. подорвало у Бернштейна веру в марксизм и в правильность революционной тактики; к тому же, обломался тот ствол, который до того служил ему опорой,—Фридрих Энгельс. На него теперь влияли иные факты. Неизбежный, по мнению Маркса, хозяйственный кризис как будто задерживался. Попытки прусской реакции изданием законов против ниспровержения существующего строя и т. д. снова перевести социал-демократию на чуждое положение потерпели неудачу. Каждые новые вы-

¹⁾ Бернштейн переиздал статьи и свои примечания к книге Эрихтэ под заглавием: «Как потерпела крушение революция». Штутгарт. Издательство Диц, 1921. Эта работа может теперь служить оправданием Носке, Эберта, Шейдемана.

²⁾ Правда, в то время с партийной критикой дело обстояло очень плохо. В сентябре 1893 года Каутский писал Мериингу: «Со времени отмены закона о социалистах появился ряд партийных изданий, начиная с писем Маркса, нападающих на широко распространенные в партии предрассудки, но пока что еще не удалось вызвать действительно серьезную, дельную дискуссию. Например, я ожидал,—и даже писал Либкнехту, что считаю это необходимым,—разъяснения мотивов, по которым до Готы (в 1875 году, совершенно игнорировалась марксистская критика. Вместо этого не получилось ничего, кроме указа с моральным возмущением. И по делу Фольмара моральным негодованием оперировали шире, чем соображениями по существу; да и бернштейновская биография Лассала, если не считать некоторых примечаний, встретила лишь тихое осуждение, но не критику».

боры оказывались новым триумфом для социал-демократии. Эра Каприви ознаменовалась рядом реформ, особенно — отменной охранительных пошлин.

Профсоюзы развивались, положение рабочего класса улучшалось. В кругах интеллигенции обнаруживалась тяга к социал-демократии. Случаи перехода из этих кругов в партию учащались. Многие предвещало длительный период социального мира. Долгое пребывание в Англии повлияло на Бернштейна. В то время Англия почти безраздельно господствовала в мире промышленности, и английская буржуазия могла себе позволить роскошь иметь хорошо обеспеченную рабочую аристократию. Английские рабочие союзы выработали чисто реформистскую практику и, действительно, отказались от всякой «романтики» чартизма. Социал-реформистское общество фабианцев (Fabian Society) в то время получило значительное влияние в буржуазных кругах и среди бюрократии рабочих союзов. Все это укрепляло Бернштейна в его сомнениях, и он приступил к критике марксизма и к обоснованию обширной теории для реформистской партии. Эта задача не совсем соответствовала его призванию. Он сам о себе говорит: «обобщающее мышление и выводы давались мне с трудом»¹⁾. Парвус выразился проще: «У Бернштейна — способность объединять самые разнородные (не связанные между собою) вещи и в то же время разделять и разединять самые простые»... Но и факты мало благоприятствовали этому предпринятию. Они обладали свойством постоянно опрокидывать все реформистские построения. Но Бернштейна мало трогало и то и другое.

Очень осторожно и нащупывая почву начал Бернштейн в октябре 1896 г. свою критику марксизма в статьях: «Проблемы социализма», которые появлялись в *Neue Zeit* вплоть до 1898 г. Вполне понятно, что первые его отступления от марксистских точек зрения прошли незамеченными, так как были еще неопределенно и неясно выражены. К тому же в этих статьях он обычно выступал против людей, которые часто защищали ложные мысли, или же правильные, но облеченные в нелепую форму (Бельфорт—Бакс, Лерда, фабианцы и т. д.). Но уже в первой статье об «Утопизме и эклектизме» он выступил против «односторонне понятой классовой борьбы» и слишком резкого противопоставления капиталистического и социалистического общества. Мы встречаем там характерную фразу: «Отвлекаются от того факта, что существуют весьма различные государства. Государственный аппарат там, где общество подчинено государству, выступающему как почти самостоятельно противостоящий

¹⁾ См. автобиографию Бернштейна. Д-р Ф. Мейнер. «Современная политическая экономия в автобиографиях». Лейпциг. 1924.

ему орган, отождествляется с деятельностью государственного аппарата там, где государство подчинено обществу (!) и где само это общество в высокой мере демократизировано» (*Neue Zeit*, 15 января, стр. 167).

Далее следуют статьи, в которых доказывается, что чартизм оказался бесполезен, несмотря на то, или именно потому, что он сохранял в чистоте свои принципы, между тем как политика компромисса с либералами вела от успеха к успеху («Классовая борьба и компромисс», январь 1897 г.). Затем шли «доказательства» того, что развитие классов происходит не по марксовской схеме, что теория кризисов ошибочна, равно как и теория крушения (капитализма) и т. д. Наконец Бельфорт—Бакс бросил ему следующий вызов: «Бернштейн совершенно отрекся от конечной цели социалистического движения в пользу идей современного буржуазного либерализма и радикализма». На это Бернштейн ответил следующей фатальной фразой («Теория крушения и колониальная политика», *Neue Zeit*, 19 января 1898 г.):

«Я открыто признаю, что у меня чрезвычайно мало интереса и вкуса к тому, что обычно понимают под «конечной целью социализма». Эта цель, какова бы она ни была, для меня—ничто! Движение—все, а под движением я подразумеваю как общее движение общества, т. е. социальный прогресс, так и политическую и хозяйственную агитацию и организацию для осуществления этого прогресса».

В упомянутой выше автобиографии Бернштейн объясняет, что этим он только хотел сказать, что он мало интересуется утопиями. Но неверно понятая фраза, стоящая среди рассуждений в защиту колониальной политики, заставила теперь партию насторожиться. Правда, *Vorwärts* еще старался подействовать умиротворяюще: статьи Бернштейна, мол, не заключают в себе ничего принципиально предвзятельного. Наоборот, это совершенно в порядке вещей, чтобы теоретические обоснования партии время от времени подвергались пересмотру. *Leipziger Volkszeitung* полагала, что Бернштейн «сделал неудачный вывод из ряда интересных наблюдений, как то легко случается с живыми и остроумными людьми. Но вот и все!» А *Neue Zeit* сообщала, что ею получено много возражений против Бернштейна: «Нам пришлось отказать от их опубликования, потому что все они исходят из неправильного понимания».

Либкнехт, Шенланк и Каутский как будто ничего не замечали. Но тут Парвус поднял шум в *Sächsishe Arbeiterzeitung* в Дрездене, и тогда начались большие дебаты по поводу Бернштейна, в которых приняла участие также и Роза Люксембург первой частью своих статей о «Социальной реформе или революции». Прения приняли

более острый характер, когда Вольфганг Гейне в кандидатской речи в Берлине, как бы подчеркивая практическое значение воззрений Бернштейна, заявил о готовности выменять у правительства народные права на пушки. На партийном съезде в Штутгарте в 1898 году состоялись первые крупные прения по вопросу об учениях Бернштейна. Фольмар, Гейне, Фендрих, Фроме, Граднауэр, Ауэр встали на сторону Бернштейна и старались защитить его от нападок Бебеля, Каутского, Шенланка, Клары Цеткин, Розы Люксембург и других. Сам Бернштейн прислал из Лондона обстоятельное объяснение, из которого было ясно, что вопрос гораздо серьезнее, чем это можно было думать. Действительно, здесь речь шла о полной ревизии марксизма ¹⁾. Партийный съезд стал на ту точку зрения, что нельзя этой проблемы разрешить тут же принятыми мерами; нужны, наоборот, основательные дебаты. Поэтому не было принято постановлений. Плодом этого партийного съезда явилось то, что Бернштейн изложил всю свою теорию в отдельной книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» ²⁾. Здесь он уже шел до конца. Он нападал на самые основы марксизма: на диалектический метод, на исторический материализм и на теорию классово-борьбы, на революционный характер марксистской стратегии и на марксистское понимание завоевания политической власти и диктатуры пролетариата, на теорию ценности, на понимание тенденций развития капиталистического общества, на теорию кризисов и т. д. На основании своей критики Бернштейн делал тот вывод, что ложно, безрассудно и опасно рассчитывать на крупные социальные катастрофы и на них ориентировать тактику партии. Следует отказаться от «утопии» грядущей революции. Развитие идет в сторону смягчения классовых противоречий и демократизации общества. Вся задача в том, чтобы способствовать этому развитию и использовать его путем достижения большинства в парламенте, через рабочие союзы, кооперацию, при помощи политики реформ в городе и деревне, колониальной политики и т. д. Для того, чтобы достичь влияния, социал-демократия должна иметь мужество «освободиться от фразеологии, которая представляет пережиток прошлого, и стараться казаться тем, чем она в настоящее время фактически является демократически-социалистической партией реформы».

¹⁾ Название ревизионистов, данное сторонникам Бернштейна, ведет начало от Шенланка, который в Бреславле в 1895 году при прениях по аграрному вопросу говорил о необходимости ревизии партийной программы.

²⁾ 1-е издание вышло в 1899 г. Диж, Штутгарт.

В своей книге Бернштейн старался разрешить противоречие между не до конца продуманной, кастрированной марксистской теорией партии и ее сущностью, как она обнаруживалась на практике. Эта попытка была обречена на неудачу, потому что он хотел сохранить существо партии, — фактически партии демократическо-социалистического реформизма, — вместо того, чтобы, согласно учению марксизма, обратить партию в партию революционную. Поэтому он был вынужден выдвигать против марксизма аргументы, которые не выдерживали никакой серьезной критики. Этим он косвенно доказал, что оппортунистическая политика не может быть обоснована последовательной теорией. Но его противникам так легко было опрокинуть все его софистические построения, что книга Бернштейна не вынуждала их к пересмотру их собственных теорий и практической программы партии.

Эта книга послужила основанием для вторых дебатов по поводу Бернштейна. Роза Люксембург издала вторую серию статей: «Социальная реформа или революция?» Каутский ответил книгой «Бернштейн и социал-демократическая программа». Вся партийная пресса принимала горячее участие в полемике, которая продолжалась на партийном съезде в Ганновере в 1899 г. Была принята резолюция Бебеля, основные положения которой гласят:

«Развитие буржуазного общества в прошлом не дает партии повода отказаться от своих основных взглядов или же их изменить.

Партия попрежнему стоит на точке зрения классовой борьбы, согласно которой освобождение рабочих может быть только делом их собственных рук, и потому признает исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти, чтобы с помощью ее, путем обобществления средств производства и введения социалистических форм производства и обмена, достичь возможно большего благополучия для всех людей...

В вопросе борьбы против милитаризма на суше и на воде и колониальной политики партия остается на прежней своей точке зрения...

В виду всего этого партия не имеет никакого основания для изменения будь то своих принципов и основных требований, будь то своей тактики, будь то, наконец, своего названия, т.-е. из социал-демократической партии становится демократическо-социалистической партией реформы, и решительно отклоняет всякую попытку, цель которой — изменить или замаскировать ее позицию по отношению к существующему государственному или общественному порядку и к буржуазным партиям».

Эта резолюция отклоняла открытый реформизм, но она несколько не выходила за рамки Эрфуртской программы, которой обосновывался стыдливый оппортунизм. Решающий тезис—завоевание власти—не получил конкретного содержания. Конкретизировать его возможно было только, указав на диктатуру пролетариата, и притом не в виде фразы, а совершенно конкретно. В действительности же противоречие между марксизмом и теорией Бернштейна не было вскрыто во всей его глубине.

Резолюция во всех своих пунктах являлась ответом на критику Бернштейна и бернштейнианцев, но, во всяком случае, не на все вопросы,—и не на основные вопросы. В то время против нее голосовал только 21 депутат, и из этого числа, по крайней мере, часть высказывалась против резолюции не из-за соображений реформизма (Шенланк, Гренц, А. Гофман, Цубейль). Ни один из открытых сторонников Бернштейна не голосовал против резолюции. Все они придерживались удобного маккиавелизма Ауэра, который писал Бернштейну: «Милый друг, такие вещи можно делать, но о них не говорят». Это была тактика реформистов—принимать «теоретические пощечины», чтобы не дать себя парализовать в своем подкапывании под партию. На партийном съезде не было внесено ни одного предложения об исключении реформистов. Требование об исключении, высказанное Розой Люксембург в ее статье, не встретило в партии ни малейшего отклика. Наоборот, радикалы (также и Каутский!) и ревизионисты одинаково ратовали за сохранение в партии неограниченной «свободы мнений».

Нельзя упрекнуть Фольмара, Давида, Гейне в том, что они подвели Бернштейна; скорее он как раз и дал им лозунг, когда писал Ауэру, что он вполне готов подписаться под резолюцией Бебеля *cum grano salis*. Позже, в *Neue Zeit*, он старался оправдаться целюю горюю мнимых доводов, совершенно против своего обыкновения, потому что Бернштейну никоим образом нельзя отказать в мужестве признавать и отстаивать раз принятую им точку зрения.

В 1901 году на партийном съезде в Любеке снова была принята резолюция, в которой Бернштейна приглашали подумать над тем, в какое «двусмысленное положение» он поставил себя, и в какое «смущение» он привел значительное число партийных товарищей. Бебель определенно установил, что это решение отнюдь не представляет вотума недоверия Бернштейну.

И это тоже называлось «борьбой против реформизма».

Конечно, мы не можем здесь противопоставлять по отдельным пунктам точку зрения Бернштейна точке зрения Розы Люксембург. Мы можем только усиленно рекомендовать вниманию критически настроенного читателя книгу Бернштейна

«Предпосылки социализма». Как раз тем, что она ставит неправильно почти все вопросы, она необычайно способствует углубленному размышлению над марксизмом. А история догматов марксизма, если позволено будет так выразиться, может и современному практическому политику оказать большую услугу.

Не приходится также особенно подчеркивать преимущества книги и статей Розы Люксембург. Тот, кто знаком с социалистической литературой того времени, неизменно изумляется ясности, с какою рисовалось автору социальное развитие, совершенному овладению марксистским методом, а также самостоятельности и бьющей через край живости в применении его к актуальным вопросам современности. Историческая действительность всецело оправдала то, что Роза Люксембург говорит о великих экономических и политических проблемах. Ее указания в области тактики существенным образом являются значительным шагом вперед для того времени.

Несокрушимо стоит основная тактическая мысль Розы Люксембург, которая в немногих словах резюмирует все искусство революционной политики: необходимо решение практических, повседневных задач органически связать с конечной целью. Это значит рассматривать классовую борьбу, как задачу политической стратегии. А это имело большое значение в то время, когда еще исходили не из противоположности стратегии и тактики, а противопоставляли принцип тактике и относили к области тактики, тем самым его оправдывая, всякий оппортунизм, всякое действие, противоречившее принципу. Осуждение оппортунистов, заключавшееся в этой формулировке Розы Люксембург, повело к забавным взрывам негодования. Начали высчитывать, кто сколько строк в предвыборных листках, сколько фраз в предвыборных речах посвятил конечной цели; и оказалось, что бывали случаи, когда признанные радикалы святотатственно умалчивали о конечной цели. Какой прекрасный повод для Пейсов и Гейне благословлять судьбу и кичиться! А что они подразумевали под конечной целью? «Чудесный идеал», социалистическое сказочное царство, которое каждый мог себе рисовать по собственному вкусу, отдельными чертами которого Бернштейн безнаказанно мог не интересоваться, но к которому они, тем не менее, все, радикалы и ревизионисты, стремились тем или иным путем. Но Роза Люксембург ясно, четко и многократно говорила, что она подразумевает под конечной целью: революцию, завоевание пролетариатом политической власти! Это, действительно, давало руководящую идею. Попробуем применить ее к актуальному в то время вопросу гейневской политики компен-

саци, которая является классическим выражением для политики реформизма. Тому, кто под конечной целью подразумевал идеал, формула Розы Люксембург ничего не говорила. Тогда государству, правда, предоставляли пушки против злых врагов, но взамен этого получали народные права, и демократизация шла вперед, и ведь с этой демократизацией народные массы как будто все крепче накладывали свою руку на эти пушки. Если же конечной целью признавалось завоевание политической власти путем революции, то этим выносилось осуждение политике компенсации, так как все, чего можно было достичь ею тактически, в виде временного успеха, оказывалось даром данайцев. Ради него приходилось либо пожертвовать конечной победой, либо ее отдалять. Враг владел пушками, которыми он мог уничтожить все демократические достижения. И, что, быть может, еще важнее: свои же сторонники, которые не усвоили основную тактическую идею, а были воспитаны на оппортунизме, не в состоянии были понять классовую борьбу и свои собственные задачи в революции.

Другая сторона этой основной тактической идеи: она придавала смысл борьбе за непосредственные цели и предохраняла партию как от болота оппортунизма, так и от окаменелости чистой пропаганды. Завоевание власти, как стратегическая задача, принуждало к созданию кадров для классовой борьбы. Чистой пропагандой можно собрать вокруг себя секту, но нельзя положить хотя бы только основание армии, что уже и до того доказал ультра-радикализм. Только в повседневной борьбе за цели, соответствующие потребностям дня, может партия объединить вокруг себя массы. Партия и массы приобретают знания и способности, нужные для решительного боя, не только путем теории, а прежде всего опытом борьбы. Вот что заставляло Розу Люксембург повседневную борьбу ценить выше, чем мимолетный успех. Для нее, как и для Ленина, реформы являлись «побочными продуктами пролетарской классовой борьбы», которые следовало использовать в этой борьбе как опорные пункты. Это заставляло ее высоко ценить профессиональные союзы, несмотря на их «сизифов труд». Для нее они имели значение «средств подготовить рабочий класс к захвату власти». Но и в этом случае основная мысль Розы Люксембург была постыдным образом не понята. Достаточно послушать возражения, которые делал ей в 1899 г. в Ганновере один из профсоюзных вождей фон-Эльм: «Для Розы Люксембург рабочие союзы имеют значение только прекрасного способа подготовки к классовой борьбе, которая для нее сводится только к политическому движению. Это совершенно устарелый взгляд. Если бы профсоюзы были только этим, то что могли бы вы возразить убежденному

социал-демократу, который бы сказал: «меня достаточно обработали, достаточно воспитали, мне больше не нужно никаких воспитательных заведений». Как видно, мысли Розы Люксембург натолкнулись у реформистов на полное непонимание. Реформисты не в состоянии были даже уловить их смысл, так как им пришлось бы отречься от своего реформизма.

Однако, следует учесть, что и для Розы Люксембург и для ее сподвижников в борьбе существовали известные границы понимания. В наше время, после большого революционного опыта, мы читаем книгу Бернштейна во многих отношениях иначе, чем ее читали его современники. Мы видим, что он поставил ряд вопросов, которые в то время ни одним критиком не были отмечены, ни, тем более, разрешены. Тот, кто до некоторой степени знаком с историей социалистических теорий, сразу заметит, что здесь речь идет о вопросах, которые в то время едва еще признавались вопросами, ответ на которые не являлся насущной необходимостью, и разрешение которых едва ли представлялось возможным. И в отношении теории справедливо замечание Маркса, что история всегда ставит лишь те задачи, которые она в состоянии разрешить. Мы имеем в виду методы классовой борьбы в революции и при диктатуре пролетариата.

Бернштейн очень усиленно занимался вопросом диктатуры. В своих исследованиях революции 1848 года он натолкнулся на этот вопрос и мог на него ответить: диктатура ни к чему, потому что мы вырастаем в социалистическое общество. В своих «Предпосылках» (1-е изд., стр. 127) он пишет:

«Какой, например, имеет смысл сохранять фразу о диктатуре пролетариата, когда представители социал-демократии повсеместно становятся на точку зрения парламентской работы, пропорционального народного представительства и народного законодательства, противоречащие идее диктатуры? В наше время она настолько изжита, что связать ее с действительностью можно только лишив слово «диктатура» его действительного значения и придав ему какой-нибудь пошлый смысл... Классовая диктатура относится к более низкой степени культуры...»

Здесь Бернштейн поднимает очень серьезный вопрос,—вопрос о конкретном содержании этого понятия. Роза Люксембург говорит о диктатуре, но она не отвечает на бернштейновский вопрос, и этого не делает ни один из ее современников. Поэтому всякий, кто в наше время играючи оперирует понятием диктатуры пролетариата, может чувствовать свое необычайное превосходство перед Розой Люксембург. Мы не станем лишать его этого блаженного

сознания, которое, однако, не свидетельствует об историческом чутье. О том, как обстояло дело в те годы, мы можем судить по Каутскому, у которого в то время еще не было основания уклоняться от этого вопроса или прибегать к искажениям. В 1893 году Меринг писал в *Neue Zeit*:

«Надежда на то, что когда-либо большинство буржуазного парламента, даже если бы оно состояло из сознательных в классовом отношении рабочих, проложит путь социалистическому обществу, подобна мечу без рукоятки и без клинка. Дорога к будущему откроется лишь тогда, когда совершенно умрет в массах вера в буржуазный парламентаризм».

На это Каутский писал Мерингу 8 июля 1893 г.¹⁾:

«По-моему, мы в Германии страдаем не избытком, а скорее недостатком парламентаризма, и задача пролетариата—наверстать то, чего, по своей трусости, не успела сделать немецкая буржуазия,—создать подлинно парламентарный строй... Но для диктатуры пролетариата я не могу себе представить иную форму, чем мощный парламент по английскому образцу с социал-демократическим большинством, опирающимся на сильный и сознательный пролетариат. По моему мнению, борьба за истинный парламентаризм окажется в Германии решительным боем социальной революции, потому что в Германии парламентарный строй означает политическую победу пролетариата, но также и обратно».

В ответ на это Меринг написал «интересное письмо» Каутскому (15 июля 1893 г.), по ответу которого мы можем судить об аргументах Меринга.

Каутский пишет:

«Что же касается Германии, то я охотно с вами соглашусь, что буржуазия здесь уже не сумеет взять верх над милитаризмом, и что милитаризм не будет спокойно ждать, пока мы получим большинство и создадим демократическую республику, чему он покорно подчинится и исчезнет.

Нам придется вести жестокую борьбу с милитаризмом,—быть может, раньше, чем мы думаем,—борьбу, в которой нам не обойтись одними парламентарными средствами. Но о чем будет идти спор? В конечном счете ведь только о парламенте. По моему мнению, только парламентская республика—с монархической ли верхушкой или без нее, по английскому образцу—может создать почву, из которой вырастет диктатура пролетариата и социалистическое общество. Эта республика (с монархической верхушкой.—*Фрелих*) и есть то государство будущего, к которому мы должны стремиться».

¹⁾ Из неопубликованных еще бумаг Меринга.

Из дальнейшего текста письма мы видим, что Меринг был очень озабочен парламентарным расслаблением партии. Дебаты возобновились после появления книги Каутского «Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия» (Штутгарт, 1893). Меринг нашел представление Каутского о парламентаризме слишком «идиллическим». На это Каутский 13 сентября 1893 г. ответил, что не следует отождествлять определенную фазу парламентаризма с парламентаризмом вообще. Прогнывает не парламентаризм, а капитализм. «Парламентаризм... изменит свой характер, как только пролетариат выступит в нем в качестве самостоятельной силы».

Мы бы тяжко согрешили перед Розой Люксембург, если бы навязали ей это идиллическое представление Каутского о парламентаризме и о диктатуре. Она обнаруживает в этом вопросе значительное превосходство, в чем мы с очевидностью убеждаемся при сравнении ее книги «Социальная реформа или революция?» и книги Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа». В настоящее время вопрос о диктатуре приобрел значение пробного камня, разделяющего умы. Но как бы ясно мы ни видели теперь зародыши разногласий, разделивших впоследствии Розу Люксембург и Каутского на рубеже XX века, между ними еще не было глубоких теоретических расхождений. В то время не существовало конкретного представления о диктатуре. Бернштейн исследовал формы и методы классовой борьбы во время революции, этой истинной борьбы за власть, и результатом его исследования явилось безусловное осуждение открытой борьбы за власть. В кратких словах, иногда еще более заостря отдельные положения, повторяет он в «Предпосылках» то, что уже говорил во «Французской революции» Эригье. Он резко обрушивается против бланкизма, от которого Маркс никогда не мог освободиться. Бернштейн осуждает революционный метод вообще. Он говорит:

«Марксизм преодолел бланкизм только с одной стороны — в смысле метода. Что же касается другой его стороны, увеличенного представления о творческой силе революционного насилия для социалистического преобразования современного общества, — то в этом смысле марксизм никогда не мог освободиться от бланкистских идей. То, что он в них исправил, как например, идею строгой централизации революционной власти (заблуждение Бернштейна! *Ред.*), то всегда относится скорее к форме, чем к сущности» («Предпосылки», изд. 1-е, стр. 31).

Вслед затем Бернштейн описывает пагубные последствия бланкистских, т.-е. революционных методов в борьбе за

власть. Он показывает, как в этой борьбе расшатывается хрупкое капиталистическое хозяйство.

«Короче говоря, политика 1848 года, по образцу ужасов 1793 года, представляет собою верх безрассудства и нецелесообразности... преступление, за которое достаточно скоро тысячи рабочих заплатились жизнью, а другие тысячи—свободой».

«Без них (демократических учреждений) так называемое обобществление средств производства, вероятно, повело бы только к безмерному уничтожению производственных сил, к бессмысленному экспериментированию и бесцельному насилию, и политическое господство рабочего класса могло бы утвердиться не иначе, как в форме диктатуры центральной революционной власти, поддерживаемой террористической диктатурой революционных клубов. В таком виде оно рисовалось бланкистами, и точно таким же представляют его еще и «Коммунистический Манифест» и относящиеся к эпохе его издания труды Маркса и Энгельса» (стр. 134).

Далее, в виде утешения, следует ссылка на подтасованное энгельсовское введение к «Классовой борьбе» и безмерное искажение предисловия (1872 г.) к «Манифесту», в котором Маркс будто сказал только, что «нельзя просто овладеть государственной машиной», и утаивается, что старая государственная машина должна быть разрушена!

Все вместе взятое представляет собою полемику напуганного мелкого буржуа против насилия и жалобы на то, что «революция дорого обходится». В настоящее время мы склонны признать, что это не только исходная точка, но и краеугольный камень всего учения Бернштейна. Действительно, здесь он уже дает теоретическое обоснование всей политики II Интернационала во время революции. Он сделал крайние выводы.

В дебатах того времени мы тщетно стали бы искать отзвука этих рассуждений Бернштейна об опыте французской революции 1848 года. Несомненно, мало кто с ним соглашался. По всей вероятности, Роза Люксембург избегала этих вопросов, чтобы не усложнять всего спора массам. Но это объясняется только тем, что и она еще не постигла значения этих вопросов, необходимости их выяснения и что еще не существовало правильного их решения. Не случайность то, что марксизм возник в революционный период. Без 1848 года с его двойственным характером (буржуазная революция при значительном участии пролетариата) «современное рабочее движение», вероятно, никогда не обрело бы законченной теоретической системы. Так как нити 1848 года оборвались, а рабочее движение возродилось лишь в эпоху блестящего расцвета капитализма, начиная с шестидесятых

годов, то чисто революционный элемент марксизма остался, так сказать, частной собственностью обоих корифеев, Маркса и Энгельса, которые одни лишь могли сделать выводы из опыта Коммуны.

В период расцвета II Интернационала это достояние нельзя было сохранить и пустить в оборот. Сделать это могла только новая революционная эпоха, начавшаяся с русской революции 1905 г.¹⁾ Значительная доля заслуги принадлежит в этом Розе Люксембург.

Но и она не могла подняться выше своего времени. Эпоха расцвета II Интернационала и есть эпоха реформизма. Это то время, когда империализм торжествующе продвигается вперед, когда выдержанный марксист уже предвидит те катастрофы, навстречу которым идет этот империализм, но когда революция еще нигде не выдвигается в качестве непосредственной задачи. Таково было положение в Западной Европе, которая, казалось, призвана наметить путь для экономически отсталых стран. В этот период западно-европейского рабочего движения Роза Люксембург была самым передовым умом. Упомянутая нами основная тактическая ее идея выходит уже за пределы данной эпохи, предвосхищая непосредственную подготовку революции и определяя классовую борьбу, как стратегическую задачу. Но пока что это была всего лишь формулировка, как раз достаточная для борьбы с реформистской практикой. Идея еще не была наполнена конкретным содержанием. Еще не были поняты все задачи, которые, с точки зрения стратегии, вытекали для революционной партии,—так, например, формирование партии, как вождя и авангарда пролетариата, мобилизация пролетарской армии и объединение ее с резервами, имеющимися в некоторых слоях мелкой буржуазии, способствование национал-революционному движению в колониях и координирование его с собственной борьбой и т. д. Этот шаг сделал Ленин, и Роза Люксембург последовала за ним, когда эти задачи встали перед нею практически в 1918 году.

Характер описываемой эпохи помешал победоносному исходу борьбы против реформизма. В 1903 году, после Дрезденского партийного съезда, Роза Люксембург лишь

¹⁾ Как только проблемы завоевания власти получают для России действительно актуальное значение, так сразу делаются попытки углубленного их изучения. Плеханов и Ленин в русской партийной программе 1903 г. определяют диктатуру пролетариата как «завоевание пролетариатом такой политической силы, которая бы дала ему возможность сломить всякое сопротивление эксплуататоров»; а Плеханов уже тогда заявляет, что, в случае чего, можно бы было лишить буржуазию избирательных прав. 1905 г. знакомит Ленина с ролью рабочих советов, как носителей государственной власти. Но Западная Европа не использовала этого опыта. Признание его должно бы было повести к принципиальному преобразованию сущности партии.

следовала всеобщему заблуждению, когда говорила о поражении реформизма («Разбитые надежды»). Правда, это был удобный случай нанести ему решительный удар.

В Дрездене реформисты распоясались. Они открыли борьбу коварным выступлением против Франца Меринга, этого блестящего борца радикализма, одним из тех «нападений, которые до того времени составляли незавидную привилегию буржуазных литературных кругов, одним из тех нападений, для которого из-за надежной засады неделями и месяцами точат кинжал, чтобы убить безоружного»¹⁾. Удар не попал в цель. Бернгард, Браун, Гейне, Гере и т. д. оказались рыцарями печального образа. Но радикалы не использовали своей победы. Правда, была принята резолюция, в которой ясно говорилось:

«Партийный съезд решительно осуждает всякие ревизионистские попытки изменить нашу испытанную и увенчанную успехом (!), основанную на классовой борьбе тактику в том смысле, чтобы завоевание политической власти путем преодоления противников уступило место политике приспособления к существующему порядку вещей».

Правда, указывалось еще подробно, в чем проявляется эта ревизионистская тактика. Но скандально было то, что ревизионисты с издевательствами и криками «ура» тоже голосовали за резолюцию. Только одиннадцать человек голосовало против резолюции, среди них Бернштейн, Гертруда Давид, фон-Эльм, Хюе, Лебе, Поль Мюллер, но также и радикалы, как Гренц и Шварц, которым эта резолюция казалась недостаточной.

Но «осуждение» было только бумажное. Расхождение было такое явное и резкое, что из него необходимо было сделать выводы. На это партия не имела сил. Ее организм был отравлен реформизмом, проникшим до самого мозга костей. В том же году большевики произвели раскол в русской социал-демократии. Но Россия была накануне революции, и при таком состоянии теоретические разногласия ясно обнаруживали свои практические последствия. Припомним хотя бы только вопрос о том, следует ли предоставить буржуазии роль вождя в русской революции, определение ее целей и путей, или же пролетариату, как вождю революции, следует объединиться с крестьянством. Это были два диаметрально противоположных пути. Но в Западной Европе рисовался в перспективе длительный, спокойный период подготовки, и в русских расколах видели лишь симптомы детских болезней, исходя из недиалектического

¹⁾ Из защитительной речи Меринга на Дрезденском партийном съезде.

воззрения, что западно-европейская социал-демократия представляет более высокую степень развития.

Основание Германской коммунистической партии в 1919 г. иногда признавалось ошибкой. Оно должно было произойти позже, или же социал-демократия должна была расколоться уже в 1903 году. Относительно «позже» здесь не приходится и говорить. Но, несомненно, что развитие германского рабочего движения пошло бы иным путем, если бы раскол произошел на Дрезденском партийном съезде в 1903 году. Этим была бы воздвигнута непреодолимая преграда безраздельному переходу пролетариата в лагерь империализма в роковом 1914 г. Но ведь это лишь пожелания относительно плохо понятого прошлого. До 1903 г. могла идти речь только об исключении ревизионистов. Но, с одной стороны, партийные массы не понимали необходимости этого, а с другой стороны, и вожди, как Бебель, не были бы способны осуществить это исключение на деле. Позже такое исключение стало совершенно невозможно, потому что официальная практика партии стала соответствовать требованиям реформистов, и противоречия совершенно сгладились в общем поправении. Когда же после 1908 года началась борьба левого крыла против каутскианцев, тогда отпадение левых было бы непростительной глупостью. Не говоря уже о том, что это левое крыло, начиная от Ледебура и кончая Розой Люксембург, само не составляло единства, в силу чего невозможно было отпадение всего левого крыла, как замкнутого целого, раскол этот повел бы только к отчуждению от масс. Это доказало отпадение голландских трибунистов (революционных марксистов), происшедшее в 1909 году при более благоприятных условиях и достигнутое усилиями реформистов. Что действительно было возможно, но, к сожалению, упущено, это образование революционной фракции, которая могла бы для начала сконцентрироваться вокруг газеты, как показал нам пример реформистов, с их *Socialistische Monatshefte*. Это подготовило бы левые элементы к расколу партии, который в конечном счете был неизбежен. Последним основанием, почему и левые тоже постоянно отклоняли мысль о необходимости предстоящего раскола партии по линии между Каутским и Люксембург, было убеждение, что в конце концов сами факты докажут партийным массам правильность революционной точки зрения. При этом следует обратить внимание на то, что и большевики лишь значительно позже поняли опасность каутскианства, когда в Германии дискуссия с ним была уже в полном разгаре. Насколько мы знаем, до войны Ленин тоже не думал о расколе в Интернационале или в какой-либо западно-европейской партии. Только катастрофа 1914 года показала наглядно, что есть и что нужно.

* *
*

Побежденный во всех теоретических боях, опровергаемый вновь и вновь фактическим развитием, реформизм все глубже внедрялся в партию. Он вырос на почве рабочей аристократии, которую кормили видимостью прав. Он занимал прочную позицию в парламентских фракциях, в рабочих союзах, в кооперации. С гигантским развитием пролетарских организаций создалась рабочая бюрократия, из сознания которой улетучился весь революционный дух. Это был слой, всеми своими интересами связанный с безупречным функционированием аппарата. Это их крик души испустил Бёмельбург на Кельнском рабочем конгрессе в 1905 году: «Германским рабочим союзам нужен покой!» Когда же под влиянием империализма открылись перспективы массовой борьбы, тогда левое крыло раскололось. Каутский и товарищи пошли вправо. К тому времени, когда разразилась катастрофа мировой войны, вся партия была во власти реформизма.

Ход развития в Германии является как бы образцом для других западно-европейских партий. В Англии рабочее движение, несмотря на некоторую радикализацию (независимая рабочая партия) осталось в руках реформистских профсоюзов.

Характерный период в развитии французской партии описан в статьях Розы Люксембург о французском министерализме. Но наибольшее значение имеет реформистское развитие в Италии. Там в 1893 г. молодая партия была вовлечена в тяжелую борьбу, спровоцированную министерством Джиролиитти. При кабинете Криспи она подверглась тяжелым преследованиям. В 1894 г. партия подверглась запрещению. В это время *Critica Sociale* стала проповедывать «работу реформ в общинах» и политику союза с либералами, так как (!) отняты демократические права. В 1896 году кабинет Криспи пал. Была объявлена амнистия. В 1898 году началась новая реакция. На забастовки и уличные демонстрации в Милане правительство ответило объявлением осадного положения. Действовали военные суды. Турати, вождь партии, был осужден на 14 лет каторги. Острова были превращены в места ссылки. Страна, хотя и не долго, была во власти генерала Пелу. После него правило министерство Цанарделли-Джиолитти, которое поддерживали социалисты. Эта политика имела такие же роковые последствия, как и министерализм во Франции. Реформизм был доведен до крайних своих выводов. Партийная дисциплина была уничтожена, автономия округов признана.

После конгресса в Имола в 1902 г. центральный орган *Avanti* был объявлен независимым от ЦК партии. Парламентские депутаты были ответственны только перед «своими избирателями». Дело дошло до того, что *Avanti* вел агитацию против радикального кандидата партии за либерала, «чтобы либеральный кандидат чувствовал, что он избран социалистами». Эта же газета рекомендовала южно-итальянским партийным товарищам образовать партию совместно с буржуазными радикалами. В 1903 г. в *Consiglio di lavoro* (рабочий совет), беспорядочно составленном конгрессе по охране труда, Турати заявил, что рабочие и социалисты, входящие в Совет труда, отказались от мысли, будто государство является враждебной им силой. Он воспевал общность интересов различных классов и заявлял о своей уверенности в том, что представители интересов предпринимателей считают тщетным и вредным противодействовать улучшению положения рабочего класса. Они требуют только, чтобы улучшение это совершалось постепенно и, по возможности, щадило законные права и собственность. Он предвидит то время, когда вожди промышленности на место борьбы класса против класса поставят борьбу всех классов против природы. Господство реформизма неоднократно ставило партию непосредственно перед расколом. В 1904 г. в партии одержали верх левые, но партия еще долго была парализована, и некоторое оздоровление обнаружилось лишь после того, как самые злостные реформисты (Биссолати и др.) были выброшены из партии за то, что они слишком откровенно способствовали завоевательной политике итальянской буржуазии в Африке (1912 г.). В Австрии разукрашенный радикальными лозунгами оппортунизм был возведен на степень искусства под руководством Виктора Адлера. В Бельгии, благодаря тесному, организованному объединению партии с профсоюзами, кооперацией и организациями взаимопомощи, реформизм создал себе прочную основу, которая не поколеблена и в настоящее время.

Реформизм прошел победоносным маршем через всю Западную Европу. Он привел к социал-империализму, к мировой войне и, тем самым, к ужаснейшему поражению международного пролетариата. Под конец он заявил себя открытой контр-революцией. Роза Люксембург и остальные радикалы не могли предотвратить крушения германской социал-демократии; неизбежным стало также крушение II Интернационала. Но они заставляли бодрствовать сознание партии и подготавливали ту часть немецкого пролетариата, которая была призвана спасти марксизм и революционную волю.

В настоящее время в Германской коммунистической партии борьба за четкую коммунистическую линию сосредоточена вокруг учений Ленина и Розы Люксембург. Во всех вопро-

сах, по которым между обоими великими вождями происходили разногласия, Ленин обнаруживал большую дальновидность и превосходство¹⁾. Но сохранить живым наследие Розы Люксембург—это и значит выполнить волю Ленина. И сделать это надо не только в память мученицы германской революции, но и для того, чтобы сохранить ее выкованное оружие. В свое время в германской социал-демократии борьба была сосредоточена вокруг Лассалья. В этой борьбе Франц Меринг решительно защищал против Каутского и других исторические заслуги Лассалья. Если Лассаль и стоит далеко позади Маркса, то все же незабываемая его заслуга в том, что он оторвал от буржуазии германский рабочий класс и организовал его для борьбы за собственное освобождение. Германский рабочий класс должен был преодолеть слабые стороны и погрешности построений Лассалья, но ему обязан он тем, что научился идти своим путем. Не случайно и то, что историческое чутье Франца Меринга не обмануло его также и в ужаснейшей катастрофе международного пролетариата, между тем как его противники в споре о Лассале перешли на сторону врага. Искреннее и углубленное изучение нашего собственного прошлого может служить нам путеводной звездой.

Мы должны преодолеть то, что представляется в учениях Розы Люксембург несостоятельным; но и при всем том ее духовное наследие окажется достаточно богатым. Потому что, «несмотря на все свои заблуждения, она была и останется орлицей» (Ленин).

В течение всего периода реформистского развития она неустанно вела борьбу за революционную сущность пролетарского движения, против могущественнейшего бюрократического аппарата, против злобы и измены, против иллюзий и слабостей самого рабочего класса. Этим она положила основание для коммунистического движения в Германии.

* *
*

Выбор статей, объединенных в этом томе, был связан с целым рядом затруднений. Так, например, спорным являлся вопрос о том, не следует ли включить сюда же статьи о реформистских стремлениях в профсоюзах. Но при более внимательном обсуждении оказалось, что они теснейшим образом связаны с той полемикой, которую Роза Люксембург вела по вопросу о всеобщей забастовке с во-

¹⁾ Об этих разногласиях говорится в сочинениях о Польше, о всеобщей забастовке, о войне и о революции.

ждями профсоюзов. Поэтому они и должны быть помещены там (том IV собрания сочинений); обратный случай представляет вопрос о милиции. Как известно, вопрос этот был вновь поднят в связи с дебатами по поводу империализма и против Каутского. Здесь оказалось, что статьи и речи против Шиппеля тесно связаны с борьбою против реформизма, между тем как вторые дебаты о милиции всецело относятся к комплексу вопросов, поднятых в борьбе против так называемого марксистского центра. Поэтому в этом томе читатель найдет статьи и речи против Шиппеля.

Мы старались, по возможности, избежать повторений. Правда, это не могло быть достигнуто вполне, так как мы имеем дело с постепенно разворачивающимися дебатами. Мы не считали себя в праве производить в статьях какие-либо купюры. Но, с другой стороны, мы отказались от опубликования таких произведений, которые ничего не могли дать нового для исторического понимания и для теоретического познания. Сюда относится ряд статей об «Анти-Бернштейне» Каутского, которые только воспроизводят содержание этой книги без всяких замечаний Розы Люксембург. Все эти статьи представляют лишь журнальную работу на злобу дня.

Мы отказались также от включения многочисленных речей на собраниях, которые помещались в сокращенном виде в газетах. Эта передача грешит большими неточностями. Из речей включены только речи, произнесенные на партийных съездах, потому что сохранился их дословный текст.

Все примечания со знаком *) сделаны самим автором; примечания издателя обозначены цифрами. Заключенные в круглые скобки () немецкие обозначения внесены издателем.

В некоторых местах мы позволили себе незаметно сгладить некоторые шероховатости текста, которые неизбежны при газетной работе, без особых указаний. Но мы считаем своею обязанностью быть в этом отношении крайне сдержанными.

В этом томе разбираются тактические и теоретические вопросы. Это уже само по себе требует внимания со стороны читателей. И рассчитывая на это, мы воздержались от всяких наставлений и только там высказывали свое мнение, где это нам казалось нужным по особым причинам.

П. Фрелих.